

*В. А. Зверев*

**САМОУПРАВЛЕНИЕ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ  
КРЕСТЬЯНСКОГО СООБЩЕСТВА  
(ПО МАТЕРИАЛАМ СИБИРИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв.)**

Опубликовано: *Зверев, В. А.* Самоуправление в повседневной жизни крестьянского сообщества (по материалам Сибири конца XIX – начала XX вв. / В. А. Зверев // Проблемы истории местного управления Сибири XVII–XX вв.: регион. науч. конф. / отв. ред. В. И. Шишкин. – Новосибирск: Гос. архив Новосиб. обл.: Ин-т истории СО РАН: Новосиб. гос. ун-т, 1997. – Вып. 2. – С. 47–50.

Сельское общество как формальный общественный институт, его место и роль в системе управления русской деревней конца XIX – начала XX вв. являлись в отечественной историографии предметом пристального изучения. По сибирским материалам написаны и защищены диссертации Л. В. Котович, И. А. Якимовой. Учитывая это, автор данного сообщения делает попытку более широкой и комплексной формулировки темы. Дело в том, что крестьянское сообщество на его низовом уровне – в рамках одного или группы близлежащих селений – имело не один, а несколько различных видов своей формальной организации (поземельная община, церковная община, сельское и волостное общества, артель, кооператив, домохозяйство и др.). Кроме того, сформировалась развитая неформальная структура с устойчивыми образованиями в виде фамильных гнезд, деревенских «концов», переселенческих землячеств, «своячеств» различного рода, молодежных «рощ» и т. п. Государственная власть, конечно, стремилась держать весь этот конгломерат под контролем, поэтому и существовала многоступенчатая система управления сельскими сообществами, которая, кроме чиновничьего аппарата, включала и официальные органы сельского и волостного «самоуправления». Однако важную роль играло самоуправление неофициальное. Разнообразная жизнь деревни в мириадах своих проявлений порождала как спорадические, так и устойчивые формы, некоторые из которых закреплялись традицией, могли получить и официальный статус.

Сказанное относится ко всем составным частям образа жизни сельского сообщества: к демографическому поведению крестьян, социализации ими подрастающих поколений, хозяйственной и общественной практике, к познавательной активности и сфере общения. За недостатком места кратко охарактеризуем только некоторые устойчивые самоуправленческие структуры, сложившиеся в ряде ключевых сфер крестьянского образа жизни.

***Физическое и социокультурное воспроизведение населения.*** Вступление будущих родителей в брак, отдача ребенка «в учение» в школу были невозможны без санкции

семейного (родственного) совета. Все вопросы организации и деятельности так называемых «домовых», вольных школ, кроме чисто методических проблем, решал неформальный совет родителей – учредителей училища. Отклоняющее (девиантное) поведение молодежи не стало до поры массовым явлением потому, что до поведения ребенка «сызмальства» было дело не только членам семьи, но всей близкой и дальней родне, соседям, деревенским «старикам» (группе пожилых людей, пользующихся безусловным уважением у односельчан). В некоторых конфессиональных сообществах авторитетный институт «стариков» трансформировался в авторитарные институты начетников, уставщиков. Старобрядческие церковные соборы запрещали или разрешали принятие в быту тех либо иных новшеств, проводниками которых обычно выступало молодое поколение. Так, после бурных дискуссий на Бийском соборе 1912 г. было принято постановление о допустимости выращивания и употребления в пищу картофеля.

***Социально-экономическая и семейно-экономическая деятельность.*** Здесь свои управленческие структуры создавала сельская община со всеми ее разновидностями – земельная, травяная, солонечная. Например, из среды «знатких» и опытных односельчан избирали доверенных лиц при общественных переделах угодий; особые раскладчики (в больших селах – до 12 человек) составляли проекты распределения повинностей между плательщиками. В артелях выдвигались руководители из числа знающих дело, вложивших в его организацию наибольшие средства и усилия – «башлыки», «передовщики», старшины, атаманы. Кооперативы, ссудно-кредитные товарищества, волостные крестьянские банки имели свои правления. Особые самоуправленческие отношения складывались в среде крестьян во время сельскохозяйственных работ, ведущихся посредством помочей, супруги, вольного найма.

Хозяйственная деятельность семейного крестьянского двора жестко направлялась домохозяином, иногда часть своих функций передававшим старшему взрослому сыну. Однако в отношении женских работ существовала относительная автономия руководящей роли «хозяйки» – чаще всего жены домохозяина. Управление экономической жизнью домохозяйства подразумевало сочетание механизмов реального авторитета старших и их авторитарного господства в семье.

Ни одна из названных форм самоуправления не поглощала всей экономической жизни сообщества – имело место разделение функций, взаимодополнение. Официальные управленческие институты (сельские сходы, старосты, волостные суды) по заявлению членов низовых хозяйственных ячеек разрешали иногда конфликтные ситуации (заменяли домохозяина – пьяницу и разорителя двора, отменяли его решения и т. д.), но в повседневное

управление сельской экономикой входили в основном опосредованно – путем регулирования землепользования, сбора налогов и взимания повинностей.

**Общественная активность крестьянства.** Хроника крестьянского движения в Сибири, составленная коллективом авторов во главе с Л. М. Горюшкиным, дает богатый материал для выявления способов самоорганизации процессов общественного движения. Возьмем 1905–1907 гг.: тогда управление конкретными крестьянскими выступлениями осуществляли в той или иной форме сельские и волостные сходы, станичные сборы, собрания запасных воинских чинов, самочинно созданная лесная стража, сельские комитеты митингов, дружины самообороны, волостные и межволостные союзы крестьян. Разумеется, важную направляющую роль играли силы, внешние по отношению к сельскому сообществу.

Нет оснований для идеализации деревенского самоуправления досоветского периода. Оно имело сословный характер, зависело от чиновников и сельских «мироедов», испытывало не только позитивное, но и излишне консервирующее влияние традиций; его прогрессивная эволюция сочеталась с элементами дезорганизации. Однако жизнеспособными и перспективными нам предоставляются следующие принципы крестьянской организации: 1) стремление к самостоятельности и самодеятельности, обеспечивающее приспособление к меняющейся обстановке; 2) взаимодополняемость и сочетание самоуправленческих структур, решавших различные задачи; 3) сочетание формальных и неформальных механизмов самоуправления, важная роль общественного мнения как регулятора жизни деревни; 4) отсутствие повседневного вмешательства волостных и сельских властей в организацию экономической, социальной, культурной жизни личности и сообщества при наличии контроля преимущественно за условиями этой жизни.

Русские крестьяне-сибиряки искали в конце XIX – начале XX вв. пути совершенствования своего самоуправления, пользуясь при этом по мере возможности помощью «большого» общества, переосмысливая идеи, возникающие в иной социальной среде. Эти теоретические и практические поиски, особо интенсивно проходившие в моменты острых общественных кризисов, нуждаются в специальном изучении, но уже сейчас ясна их плодотворность. Крестьянство Сибири высказывало свое отношение к проблеме власти и самоуправления в местных Комитетах о нуждах сельскохозяйственной промышленности в 1902 г., на съездах своих представителей и собраниях сельскохозяйственных обществ в 1905 г., в наказах депутатам Государственных дум, на волостных, уездных, губернских и региональных крестьянских съездах в 1917 г. Анализ многих проектов преобразований показывает, что предусматривались сохранение лучших сторон традиционного сельского и волостного самоуправления и одновременно – ликвидация ряда его негативных или устаревших аспектов.